

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА XX ВЕКА

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

КОНАН

Пришествие варвара

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г57

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

Говард, Роберт Ирвин.

Г57 Конан. Пришествие варвара / Роберт Ирвин Говард. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 640 с. — (Лучшая фантастика XX века).

ISBN 978-5-699-82689-6

Дикарь, рожденный в битве среди заснеженных гор Киммерии. Авантюрист, примерявший на себя судьбы похитителя сокровищ и наемного воина, предводителя морских разбойников и атамана степных Козаков, беспощадного мстителя и строителя блистательного королевства. Его эпоха — овеянная легендами, щедрая на тайны и подвиги Хайбория. И миллионы читателей, вот уже без малого восемьдесят лет увлеченных поразительным литературным феноменом, имя которому — конаниана.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Семенова, Е. Хаецкая, Г. Корчагин,
А. Костровая, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-82689-6

Содержание

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

7

ДОЧЬ ЛЕДЯНОГО ИСПОЛИНА

38

БОГ ИЗ ЧАШИ

48

БАШНЯ СЛОНА

71

АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ

102

КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

141

ЧЕРНЫЙ КОЛОСС

178

ТЕНИ В ЛУННОМ СВЕТЕ

225

СУМЕРКИ КСУТАЛА

261

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

КОЛОДЕЦ ЧЕРНЫХ ДЕМОНОВ

304

СПЛОШЬ НЕГОДЯИ В ДОМЕ

342

ДОЛИНА ПРОПАВШИХ ЖЕНЩИН

372

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЕМОН

390

ЧАС ДРАКОНА

422

ФЕНИКС НА МЕЧЕ¹

Знай же, о принц, что прежде тех лет, когда океан поглотил Атлантиду и захлестнул блистающие города, прежде тех лет, когда сынам ариев было суждено возвыситься, была еще эпоха, чье величие превосходило самое смелое воображение. Эпоха славных королевств, распростершихся под звездами на лике земли, словно затканые золотом плащи, — Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея... Замора, страна темноволосых красавиц и таинственных башен, полных призраков и паутины. Рыцарственная Зингара. Коф, граничивший с пастушеским Шемом. Стигия с ее жуткими призраками, стерегущими спокойствие древних гробниц. Гиркания, чьи всадники укрывали стальной броней золото и шелка... Однако истинной жемчужиной этого мира была держава, сверкавшая в самом сердце Запада, страна — королева, гордая Аквилония. В эту-то легендарную страну и явился однажды Конан из Киммерии, черноволосый варвар с угрюмым и грозным взглядом синих глаз, вор, разбойник, убийца, человек не средних деяний и великих страстей. Явился и ногой в пыльной сандалиии попрали самоцветные троны земных королей...

Немедийские хроники

I

Было тихо. Глубокая и зловещая тьма, какая бывает только перед рассветом, окутала сумрачные шпили и великолепные башни... Смуглая рука осторожно приотворила дверь, выпускающая людей с покрытыми лицами в темный переулок — один из множества, составлявшего в этой части города запутанный лабиринт. Завернувшись в плащи, четверо торопливо и молча растворились в крошечном уличном мраке. Казалось, это были не существа из плоти и крови, а призраки давно умерщвленных...

Позади них в проеме двери можно было рассмотреть лицо, искаженное язвительной усмешкой, и глаза, недобро поблескивавшие в полутьме.

¹ © Перевод М. Семёновой.

— Ступайте же в ночь, порождения ночи, — пробормотал голос, полный издевки. — О глупцы, ваш рок мчится по вашим следам, точно слепая ищейка... а вы даже не догадываетесь об этом!

Говоривший прикрыл дверь и запер ее на засов, после чего повернулся и зашагал прочь по коридору, неся в руке свечу. Это был угрюмый гигант, чья смуглая кожа выдавала его стигийскую кровь. Вскоре он добрался до внутреннего покоя, где, раскинувшись, точно ленивый кот, на шелковой тахте, потягивал из золотой чаши вино рослый худой человек.

— Что ж, Аскаланте, твои недоумки разбежались по улицам, точно крысы из норы, — ставя свечу, сказал ему стигиец. — Странными, однако, орудиями ты пользуешься...

— Орудиями? — отозвался Аскаланте. — А ведь это они меня считают своим орудием, вот что забавно... Уже четыре месяца, с тех пор как Четверо Мятежных призвали меня из южных пустынь, я обитаю в самой гуще моих врагов, целыми днями скрываясь в этой дыре, а ночами скитаясь во тьме проулков и коридоров... И я добился того, чего никак не могли достичь эти знатные бунтовщики. Используя их, равно как и еще многих, большинство из которых даже лица моего не видали, я отравил самый воздух империи тленом соблазна и беспокойства. Оставаясь в тени, я полностью подготовил падение короля... Во имя Митры! Не зря же я был царедворцем до того, как меня объявили вне закона!

— А эти глупцы, что считают себя твоими хозяевами?

— Да пусть их считают, будто я им служу... пока. Вот исполним задуманное, тогда и посмотрим. Кто они, чтобы тягаться умом с Аскаланте? Вольмана, этот коротышка, граф Карабанский; гигант Громель, предводитель Черного Легиона; Дион, разжиревший барон Атталусский... я уже молчу про менестреля Ринальдо, обладателя куриных мозгов. Я, именно я обнаружил в каждом из них стальную жилу и сплавил все четыре в одну. Но прочее в них — хрупкая глина, и я же ее сокрушу, когда придет час. Однако пока до этого далеко... Сегодня еще до рассвета настанет время умереть королю!

— Несколько дней назад я видел, как имперские отряды отбывали из города, — заметил стигиец.

— Они отправились на рубежи, где забеспокоились язычники-пикты... впавшие в боевое неистовство от крепкого вина, которое опять-таки я тайно переправил к ним через границу. Вот где нам пригодились несметные богатства Диона! Ну а Вольмана устроил так, чтобы нам не помешали остатки имперских войск, пребывающие в городе. Мы также обратились к его знатным родственникам в Немедии, и в итоге король Нума вызвал к себе графа Троцерио Пуатенского, сенешаля Аквилонии. Конечно же, такого важного вельможу, как Троцерио, помимо его собственного войска, сопровождает имперский вооруженный эскорт, а с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Таким образом, король остался только с личными телохранителями и Черным Легионом. Ну а тут уж Громель помог мне подыскать среди стражи корыстолюбивого старшину, который польстился на взятку и обещал в полночь увести своих людей от двери королевской опочивальни... Вот туда-то мы и явимся тайным подземным ходом во главе полтора дюжин отпетых и отчаянных головорезов. А когда дело будет сделано... даже если народ и не выбежит приветствовать нас, — Громель с Черным Легионом удержит город в повиновении и сохранит нам корону!

— Которая, как полагает Дион, будет ему вручена...

— Именно. Жирный болван претендует на царство, полагая, что для этого достаточно той капельки королевской крови, которая течет у него в жилах. Воистину Конан совершил большую ошибку, оставив в живых потомков низвергнутой династии!.. Двое других также надеются поправить свои дела. Вольмана желает быть обласканным при дворе, как в прежние времена, и вернуть былую роскошь своим разоренным имениям. Громель ненавидит Паллантида, предводителя Черных Драконов. Со всем упрямством, присущим его народу, этот боссонец жаждет принять верховное главнокомандование... И только Ринальдо не преследует никаких личных целей. Конан для него — варвар в грязных сапогах и с замаранными кровью руками, что явился с дикого Севе-

ра завоевать и ограбить цивилизованную страну. Наш поэт всю идеализирует прежнего короля, которого Конан убил за корону. Ринальдо успел позабыть, что в свое время тот не очень-то покровительствовал свободным искусствам и, если уж на то пошло, совершил за время своего правления немало отвратительных зол... Его стихи должным образом настраивают людей. На улицах в открытую распевают «Плач по королю», в котором Ринальдо на все лады восхваляет убиенного венценосца — порядочного, между нами говоря, мерзавца — и передает поношению Конана, «этого черноволосого дикаря, порождение бездны». Самого Конана, как я слышал, немало насмешила упомянутая баллада, но в народе у многих сжимаются кулаки...

— А за что Ринальдо так невзлюбил Конана?

— Видишь ли, люди склонны ненавидеть тех, кто при власти. Они мечтают о совершенном правителе и видят свой идеал либо в прежнем монархе, либо же в будущем — но только не в том, который нынче на троне. Видения завтрашнего и вчерашнего дня начисто заслоняют для них настоящее... Вот из таких мечтателей и наш Ринальдо — он просто-таки пылает идеализмом, полагая к тому же, что ему суждено низвергнуть тирана и принести людям свободу. Что же до меня... Всего лишь несколько месяцев назад я собирался до конца дней своих грабить караваны в пустыне и ни о чем большем даже не помышлял, но теперь я позволил пробудиться былым мечтам. Пусть умрет Конан, а на трон воссядет Дион. Настанет и ему час умереть... а за ним и прочим, кто осмелится противиться мне. От огня ли, от стального клинка, от одного из тех отравленных вин, что ты так мастерски варишь... И тогда... «Аскаланте, король Аквилонии»! Неплохо звучит, а?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Было время, — проговорил он с нескрываемой горечью, — когда и я лелеял честолюбивые замыслы, против которых твои суть мишура и детские игры. И до чего в итоге я докатился!.. Мои прежние союзники и соперники, с которыми я спорил на равных, не поверили бы собственным

глазам, доведись им увидеть, как Тот-Амон, хозяин Кольца, прислуживает рабу чужеземца, к тому же объявленному вне закона, как он участвует в мелких сварах баронов и королей!..

— Нечего было делать ставку на магию и всякие там ритуалы, — отмахнулся Аскаланте. — Я вот предпочитаю полагаться на свой ум и на свой меч!

— Любой ум, любой меч — что солома на ветру перед мудростью и могуществом Тьмы, — проворчал стигиец сквозь зубы, и в его глазах угрожающе заметались искры и тени. — Еще кто из нас служил бы другому, не утрать я Кольцо!

— Как бы то ни было, — раздраженно отозвался вельможный разбойник, — покамест ты носишь на спине отметины моего кнута, и так будет продолжаться и впредь!

— Какая непоколебимая уверенность... — Ненависть на мгновение зажгла глаза стигийца красным огнем преисподней. — Рано или поздно, так или иначе, а Кольцо я себе непременно верну. И тогда, клянусь змеиными клыками Сета, ты мне заплатишь...

Горячий нрав аквилонца заставил его вскочить и вlepить стигийцу затрещину.

Тот-Амон отшатнулся, на разбитых губах выступила кровь.

— Больно уж осмелел ты, собака! — прорычал Аскаланте. — Остерегись! Покамест я твой хозяин, и не забывай, что мне известна твоя неприглядная тайна!.. А теперь, если осмелишься, можешь хоть с крыши кричать, что Аскаланте вернулся в город и плетет заговор против короля! Ну?

— Я не смею... — утирая расквашенный рот, пробормотал стигиец.

— Конечно, не смеешь. — Аскаланте ощерился в холодной улыбке. — Ибо, умри я от твоей хитрости или предательства, об этом немедленно прознает святой отшельник в южной пустыне. Тогда он сломает печать и прочтет свиток, который я оставил ему. Прочтет и скажет слово, и, произнесенное шепотом в Стигии, оно дотянется сюда полночным ветерком с юга... Сумеешь ли ты спрятаться от него, а, Тот-Амон?

Невольник содрогнулся, смуглое лицо точно подернулось пеплом.

— Довольно! — Высокомерный хозяин резко сменил тон. — У меня есть для тебя поручение. Я не доверяю Диону... Я велел ему ехать в его загородное имение и оставаться там до завершения сегодняшней ночной вылазки. Этот жирный дурак все равно выдал бы себя с головой, оказавшись в присутствии короля... Так вот. Отправляйся за ним и, если не догонишь его по дороге, езжай прямо в имение и оставайся с Дионом, пока мы за ним не пошлем. Да смотри глаз с него не спускай! Кто его знает, что он способен натворить с перепугу! С него станется прискакать во дворец, броситься Конану в ноги и всех заложить, лишь бы шкуру свою спасти... Ну, ступай!

Раб поклонился, старательно пряча горящие ненавистью глаза, и вышел за дверь.

Аскаланте вернулся к своему кубку с вином. Над золочеными шпильями занимался кроваво-красный рассвет...

II

Гремел победный барабан, старались трубачи.
 Цветы и золото к ногам моим метал народ.
 И вот корону я надел, и тот же самый сброд
 Острил отравленный кинжал для мятежа в ночи.

Дорога Королей

Просторный чертог был богато разубран. На полированных стенах — прекрасные занавеси, на отделанном слоновой костью полу — пышные ковры, высокий потолок — сплошь в резьбе и серебряных завитках. Письменный стол и тот был сущим произведением искусства — слоновая кость, инкрустированная золотом... За этим столом сидел человек, чьи широченные плечи и прокаленная солнцем кожа решительно не вязались с окружающим великолепием. Какие-нибудь продутые всеми ветрами дикие пустоши — вот где ему поистине было бы самое место. В малейших движениях этого человека угадывалась мощь пружинно-стальных мышц, помноженная на острый ум и собранность воина. Внимательный взгляд отметил бы ненаигранность его повадки; этому не научишься,

с этим надо родиться. Если уж он хранил неподвижность, его можно было спутать с бронзовой статуей. А если двигался, то не дергаными рывками, говорящими о взвинченности, но с этакой обманчивой кошачьей неторопливостью, за которой на самом деле не успевают уследить глаз...

Одеяние на нем было из роскошной ткани, но очень простого покроя. На руках — ни перстней, ни иных украшений, густая черная грива подстрижена над бровями и стянута повязкой из серебряной парчи.

Вот он отложил золотую палочку для письма, которой усердно царапал по навощенному папирусу, подпер кулаком подбородок и устремил мерцающий внутренней энергией взгляд синих глаз на стоявшего перед ним человека.

Этот последний в данный момент занимался своими делами: поправлял шнуровку отделанного золотом доспеха, рассеянно насвистывая потихоньку.

Такое вот поведение в присутствии короля.

— Ну и каторга эти государственные дела! — сказал человек за столом. — Честно, Просперо, я ни в одной битве так не выматывался, как теперь!

— За все надо платить, Конан, — отозвался темноглазый пуатенец. — Заделался королем, изволь теперь попотеть!

— С какой радостью я бы отправился с тобой сегодня в Немедию, — вздохнул Конан завистливо. — Уже тыщу лет в седле не сидел. Да вот Публий, прах его побери, знай твердит, что мне сейчас из города лучше не отлучаться. Вечно дел невпроворот... — И пожаловался с дружеской откровенностью, которая водилась между ним и Просперо: — Когда я свергал прежнюю династию, мне казалось — уф, все беды и все труды позади, теперь заживем! А сейчас оглядываюсь назад, и тогдашние погони и заварухи уже кажутся легкой прогулкой...

Знаешь, Просперо, я ведь никогда не загадывал, что будет потом. Когда король Нумедидес пал мертвым к моим ногам, когда я сорвал с него окровавленную корону и надел ее сам, мне казалось — все, достиг! Вот она, вершина!.. Я готовил себя к захвату власти, но не к тому, чтобы ее удержать...

Где они теперь, те славные деньки веселой свободы, когда мне всего-то нужны были острый меч и прямая дорога, чтобы доскакать по ней до врагов! Теперь вот ни одной прямой тропки, все сплошь запутанные и кривые, а мой меч — тот большей частью вообще бесполезен... Когда я скинул Нумедидеса, меня называли Освободителем. Сегодня те же самые люди повадились плевать мне вслед, зато статую убиенного короля, этого сукина сына, поставили в храме Митры и падают перед ней ниц. Она для них икона святого самодержца, с которым расправился кровавый зверь-варвар. Когда я был наемником и вел аквилонскую армию от победы к победе, эту страну меньше всего заботило мое иноземное происхождение. А теперь мне его не могут простить! Люди, которых калечили и ослепляли палачи Нумедидеса, спешат в храм Митры возжигать благовония в его честь. Люди, чьи сыновья умерли в его застенках, чьих жен и дочерей силком тащили в его сераль... Хоть смейся, хоть плачь!

— За это в первую голову надо благодарить Ринальдо, — подтягивая еще на дырочку пояс с мечом, заметил Просперо. — Он слагает песни, от которых люди положительно сходят с ума. Взять бы да вздернуть проходимца на самую высокую городскую башню, пусть бы радовал своими виршами стервятников!

— Нет, Просперо, — покачал головой Конан. — Для меня он неприкосновенен. Даровитый поэт главнее самого великого короля... В его песнях больше могущества, чем в моем скипетре. Однажды ему вздумалось спеть для меня, и он похитил сердце из моей груди. Когда умру, меня похоронят и позабудут, а песни Ринальдо переживут века. Нет, Просперо... — продолжал король, и тень беспокойности притушила синий огонь его глаз. — Все не так просто. Есть что-то еще... какая-то темная подоплека, которую мы ощущаем, но не можем внятно истолковать... Я ее нутром чую, как мальчишкой чувствовал присутствие тигра, затаившегося в высокой траве! По стране точно какой-то дух бесплотный гуляет, сея непонятную смуту... Знаешь, на что это похоже? Представь, ты охотник в лесу,

сидящий ночью у крохотного костерка. Ты слышишь в чаще мягкие-мягкие крадущиеся шаги, ты почти наяву видишь, как поблескивают чьи-то глаза... Вот бы заставить это таящееся нечто себя проявить, вот бы схлестнуться с ним в открытом бою да располосовать гадину добрым мечом!.. Говорю тебе, Просперо: пикты совсем не случайно начали до того яростно нападать на наши границы, что боссонцы, на что уж крепкие ребята, а запросили о помощи. Эх, ну почему мне не дали туда с войском уехать...

— Публий заподозрил заговор с целью убить тебя на границе, — невозмутимо ответил Просперо, разглаживая поверх сверкающей брони шелковую накидку и любясь собой — рослым, гибким — в серебряном зеркале. — Вот он и уговорил тебя остаться в столице. Ты, Конан, все не отучишься идти на поводу у своих варварских инстинктов. Если народ чем-то недоволен, ну и что нам с того? За нас и наши наемники, и Черные Драконы... да что там, у нас в Пуатене последний босяк и тот клянется твоим именем! Тебе остается опасаться только тайных убийц, а откуда им тут взяться? Тебя день и ночь охраняют имперские войска... Кстати, над чем ты там трудишься?

— Карту рисую, — ответил Конан с гордостью. — На тех картах, что имеются при дворе, неплохо показаны страны юга, запада и востока, но что касается севера, всюду либо белые пятна, либо такая чушь, что тошно смотреть... Вот я северной частью и занимаюсь. Смотри, здесь моя родная Киммерия. А здесь...

— Асгард и Ванакхейм, — присмотрелся к карте Просперо. — Во имя Митры! До сего дня я склонен был полагать, что это выдуманные, баснословные страны!

Конан вдохновенно и яростно усмехнулся, тронув пальцем шрамы, рассекавшие смуглую кожу у него на лице.

— Проведи ты всю юность на северных границах Киммерии, ты бы так не считал! Асгард от нас аккурат к северу, а Ванакхейм — к северо-востоку, и мира на наших рубежах отродясь не бывало...